

Рецензионная палата

ЗИНАИДА АРСЕНЬЕВА
Искусствовед

Родилась в Ленинграде. Окончила Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина. Работала в журнале мод «Стиль». С 1995 по 2007 работала в газете «Час пик» корреспондентом отдела культуры, а затем заместителем главного редактора. С 2007 года работает редактором отдела культуры газеты «Вечерний Петербург».

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ОБРАЗ «КАЛЕВАЛЫ»

Иль для смерти, иль для любви — для чего мелешь ты до зари?

Крылья этой мельницы вращаются непрерывно, от зари до зари. Если они остановятся, на земле иссякнет любовь и род человеческий прекратится.

Эта мельница — сампо — находится в волшебной стране, о которой рассказывается в карело-финской эпической поэме «Калевала». Её сравнивают с «Одиссеей» и «Илиадой», со «Словом о полку Игореве», «Давидом Сасунским», «Витязем в тигровой шкуре», сказаниями о Нибелунгах... Иными словами, это великая поэма, и без неё, пожалуй, не было бы ни современного финского языка, ни многих выдающихся произведений финской культуры.

«Калевалы» не было бы без великого учёного Элиаса Леннрота. Как собиратель песен, он совершил одиннадцать путешествий по Финляндии, Карелии, Ингерманландии, нынешним Мурманской и Архангельской областям. Он изучал языки карелов, вепсов, саамов. Беря из народной поэзии порой лишь несколько строк, Леннрот разворачивал их и ставил в общий сюжет. О том, что такое сампо, певцы знали очень мало, а пели о нём от трёх до десяти строк, не больше. У Леннрота же о сампо — волшебной мельнице, дарующей плодородие, изобилие, символизирующей вечный водоворот жизни, рассказывается целая история на многих страницах. Эта мельница — ключевой образ поэмы, один из самых выразительных и сильных.

Из собранного по крупицам разнородного материала карельских и финских народных песен Леннрот создал пятьдесят рун, из которых, как архитектор, выстроил прекрасное здание «Калевалы».

Элиас Леннрот был глубоко верующим человеком, который считал себя обязанным исполнить своё предназначение и принимал удары судьбы смиренно, полагаясь на волю Божию. Именно благодаря ему «Калевала» воспринимается как самый миролюбивый эпос из всех, созданных когда-либо на Земле. Здесь творят чудеса, совершают подвиги, побеждают с по-

мощью не физической силы или оружия, а слова. Именно слова, сложенные в заговоры или заклинания, меняют облик людей, превращают их в животных, переносят с места на место, вызывают дожди, туманы, морозы. Такое же магическое значение имеют звуки — сложенные в мелодии, извлекаемые Вайнямёйненем из кантеле. Они зачаровывают не только живых существ, но и силы природы и даже стихии. Он подобен древнегреческому Орфею, перед пением которого не мог устоять никто — ни звери, ни люди, ни даже боги.

Первая версия «Калевалы» вышла в Финляндии в 1835 году. Полная была издана в 1849. Но, увы, в первые годы народ не мог оценить поэму. Первый вариант «Калевалы» был издан тиражом 500 экземпляров и продавался в течение двенадцати лет! Не было достаточного количества образованных читателей, знавших финский язык. Однако постепенно творение народа и поэта начало обретать своих почитателей. В том числе и в России и, прежде всего, в столице огромной империи — Петербурге. За великие заслуги перед наукой в 1876 Леннрота избрали почётным членом Петербургской академии наук. В статье К. Якубова, вышедшей в 1882 («Вестник Европы», книга 8, 1882), отмечалось значение «Калевалы», а Элиас Леннрот был назван «финским Гомером».

Впервые на русском языке полный текст «Калевалы» вышел в 1888 в переводе Леонида Бельского. Напечатанный в журнале «Пантеон литературы» перевод был по-настоящему хорош. Бельский посвятил «Калевале» пятнадцать лет своей жизни. Он будто взял нас за руку, как детей, и привёл в волшебную страну, показав с душевной щедростью все её красоты. Перевод выдержал четырнадцать переизданий! В 1889 титанический труд Леонида Бельского был достойно отмечен: по рекомендации учёных Федора Буслаева и Якова Грота он был награждён Пушкинской премией, присуждаемой Петербургской академией наук.

В первых изданиях книги не было иллюстраций. История «перевода» «Калевалы» на язык зримых образов началась позже. В Финляндии было объявлено несколько конкурсов, но долгое время главную премию не могли присудить ни одному из художников. Лишь в 1891 году высшие оценки жюри получили работы Аксели Гален-Каллелы (1865–1931). Позднее, в XX веке, полный финский текст эпоса иллюстрировали также художники Матти Висанти (1938), Аарно Каримо (1952–1953), Бёрн Ландстрем (1985) и многие другие, в том числе русские художники. Остановимся на петербургской школе.

Иллюстрированное издание «Калевалы» в СССР впервые вышло в 1933 году. Это был серьёзный труд весьма авторитетного в те времена издательства «Academia». Как ни парадоксально, но издательство, решившее иллюстрировать книгу, обратилось к Павлу Филонову, который не был в чести

у власти, считаясь формалистом. Возможно, знатоки литературы и истории решились пригласить опального художника, чувствуя в его работах «душевное» и стилистическое родство с финским эпосом и воплощённым в нём миром архаики.

Филонов сам не стал делать иллюстрации, но руководил тринадцатью художниками, представлявшими школу Мастера аналитического искусства, выбирал сюжеты, определял стилистику рисунков. Большую часть работ выполнили художники Михаил Цыбасов, Алиса Порет и Татьяна Глебова. Самым необычным и уникальным в истории иллюстрирования «Калевалы», по мнению специалистов, был творческий метод «филоновцев», заставляющий зрителя посмотреть на героев эпоса не глазами современного человека, а глазами самих его героев. Фигуры людей и животных, подобные древним каменным идолам, застывшие пейзажи суровой северной природы казались странными только на первый взгляд. А при более внимательном рассмотрении становилось ясно, что образы удивительно соответствовали художественному миру Леннрота.

Вот как написал об акварельной суперобложке книги исследователь творчества Филонова, искусствовед Евгений Ковтун: «В беспредметных структурах здесь вкраплены изображения зверей, птиц, лодок и людей. В этом сложном сплаве возникает образ Финляндии, изрезанной синевой озер, окружённых замшелыми гранитными грядками, хвойными лесами. Суммируется перед зрителем как бы с высоты птичьего полёта, не только в зримом, но и в умопостигаемом образе...»

Иной подход был у ленинградского художника, ученика Казимира Малевича Валентина Курдова. В 1949 в Петрозаводске вышла книга избранных рун «Kalevalan runoutta», оформленная Георгием Стронком и Ниной Родионовой, для которой Курдов выполнил три рисунка к шмуцтитулам. А через шесть лет в Москве вышла «Калевала», полностью иллюстрированная Курдовым: в книгу вошло пятьдесят чёрно-белых рисунков (по числу рун эпоса). Художник избегал фантастических и мифологических сюжетов, а выбирал «бытовые» сцены, в изображении которых чувствуется глубокое знание автором природы, быта и материальной культуры карел. Через двадцать лет Курдов вновь возвращается к «Калевале». Философски переосмыслив эпос, он создаёт новый цикл иллюстраций удивительной силы и глубины. Рисунки он делал свинцовым карандашом, оставляющим на бумаге лёгкий прозрачный след, и подцветчивал их золотистой акварелью, напоминающей цвет дерева. Это удивительно красиво — словно солнечный свет пробивается сквозь хмурые тучи. Книга с рисунками Курдова вышла в издательстве «Художественная литература» в 1979 году.

Юрий Люкшин. «Айно-рыбка», экслибрис
Pekka Heikkilä, 1994

В 1999 году, спустя 110 лет после издания «Калевалы» в России, к очередному юбилею эпической поэмы российским читателям был представлен её новый перевод, который выполнили современные карельские исследователи — фольклорист Эйно Киуру и поэт Армас Мишин. Работа продолжалась шесть лет, но оба считают, что шли к ней всю жизнь. Учёный и поэт работали над переводом вместе (отдельно не получалось), так как, по их признанию, «один умеет читать, а другой писать». Именно этот перевод, снабженный обширным справочным материалом, был напечатан в роскошном двухтомнике «Калевала», увидевшем свет в 2010 благодаря знаменитому петербургскому издательству «Вита Нова». Иллюстратором в этом издании выступил Юрий Люкшин, которого часто называют классиком петербургской графической школы. «Калевала» — немалая часть жизни художника и двадцать пять лет вдохновенного труда, философских размышлений, творческих озарений и открытий*.

Работу над постижением эпоса мастер начал с создания серии экслибрисов для библиотеки Пекки Хейккила, известного финского коллекционера и страстного пропагандиста «Калевалы», выполненных в технике офорта с акватинтой, иллюминированных акварелью, и большой серии станковых цветных литографий.

В своей вступительной статье к изданию искусствовед Екатерина Климова отмечает: «Художник сделал шаг не вперёд, а вглубь, в плоть текста. <...> Рубленые, огрублённые формы, напоминающие пластику языческих идолов; плоскостность, отсутствие перспективы в композиции, совмещение временных и пространственных пластов в одном сюжете — это цитаты, отсылающие к первобытным наскальным рисункам. И язык этот как нельзя более органичен духу „Калевалы“, ибо позволяет зрителю складывать картину мира из образных представлений человека — современника эпоса. У Люкшина герои, сохранив свои реальные контуры и признаки, существуют в многомерном мифологическом пространстве, где каждый предмет и явление бесконечно многогранны».

Все пятьдесят иллюстраций, а также заставки и орнаментальные рамки выполнены художником в единой цветовой гамме, основанной на приглушённых натуральных оттенках синего, зелёного, серебристо-серого, характерных для северной природы. Многие иллюстрации помещены на разворот. Кроме того, они словно обрамлены страницами с небольшими заставками, помещёнными на серебристо-голубоватый мраморный фон.

Тщательность оформления видна даже в мелочах. Например, вверху каждой страницы помещена полоска, покрытая орнаментом, в котором сплетаются узоры и образы птиц. Страницы, открывающие каждую но-

---

* Все иллюстрации Юрия Люкшина — оригинальные, выполненные в технике акварель на цветном печатном фоне в 2007–2008 году специально для этого издания — роскошного двухтомника большого формата, в твёрдом переплете, на мелованной бумаге. Книга издана тиражом 1200 экземпляров, причём сто из них выполнены с трёхсторонним золотым обрезом и пронумерованы. А в пятидесяти экземплярах (№ 1–50) помещён оригинальный офорт Юрия Люкшина. Издание сопровождается статьями, рассказывающими об истории создания «Калевалы», а также словарём и перечнем действующих лиц.

вую руну, содержат текст с её кратким содержанием, обрамлённый элегантным узором, в котором сплетены рыбы, змеи, фантастические звери, птицы. Этот прихотливый орнамент производит почти магическое впечатление.

Ещё одна особенность, знакомая библиофилам по старинным книгам, но почти утраченная, увы, современными книжными дизайнерами: наличие элегантных буквиц, открывающих каждую главу.

Стилистически иллюстрации Юрия Люкшина изысканно-архаичны, словно принадлежат тому времени, когда мир ещё только создавался и лик всего сущего был ещё только эскизом будущей картины. Избранная оригинальная техника акварели на цветном печатном фоне удивительно точно передаёт не только увлекательные сказочные сюжеты, но и плотно населяющие их поэтические образы и философские символы. Его дева Марьянта — сложный образ. С одной стороны, он обращён к первым примитивным языческим «Венерам», каменным и деревянным скульптурам. В её волосах алеют брусничинки — ягоды, которые по легенде стали причиной зачатия чудо-младенца. И в то же время красный цвет напоминает о христианской традиции, когда алые цветы на изображении мадонны символизировали будущую искупительную жертву её сына, спасшего мир.

Сказочные мотивы в трактовке художника становятся завораживающей цепью метаморфоз, превращений. Внешняя грубоватость форм, «рубленость» линий, скупость цветовой гаммы, подчас почти монохромной, таят в себе изысканную сложность — иллюстрации хочется рассматривать, и чем дольше и внимательнее смотрит читатель, тем больше открывает для себя. Иллюстрация к песне четвёртой о прекрасной молодой деве Айно, не захотевшей стать женой старого Вяйнямёйнена, затягивает взгляд, словно в омут, на дно морское, куда бросилась девушка, обернувшаяся рыбой. Мать-старуха в ужасе прижимает руки к глазам, которые вечно будут теперь оплакивать дочь. А через весь лист, по диагонали, плещет рыба, голова которой с тусклым глазом вдруг оборачивается лицом молодой красавицы с огромными голубыми и печальными глазами, а скользкая рыба чешуя, отливающая холодным блеском, соседствует с тёплой живой плотью девушки, которая таит ещё биение горячей крови, пока не остуженной холодной водой.

Песнь о матери Лемминкяйна, оплакивающей своего погибшего сына, перекликается с Пьетой. Занимающая целый разворот иллюстрация полна внутреннего напряжения. Трудно объяснить, как художнику удалось, не пользуясь почти никакими внешними приёмами, передать жуткую неподвижность мёртвого тела сына и огромную энергию, словно выплёскивающуюся из ярко-голубых, неожиданно молодых на старом лице, глаз матери. Глядя в эти глаза, нельзя не поверить, что ей под силу вернуть сына к жизни.

Образ, который проходит сквозь всю поэму, — старый мудрый маг, певец, поэт Вяйнямёйнен очень близок художнику. В его трактовке он предстаёт седобородым мудрецом с внешностью древнего пророка и с молодыми яркими глазами, которые словно устремлены в будущее — ему ведомое. С помощью волшебных слов он может влиять на будущее, преображать мир,

творить чудеса. Люди, старые и молодые, как зачарованные слушают его, постигая мудрость и красоту этого мира.

И ещё один сквозной образ — мельницы Сампо — мельницы Счастья, выкованной кузнецом Илмариненом для злой хозяйки Похьёлы. Мельница эта фрагментарно появляется во многих иллюстрациях Юрия Люкшина. Но особенно красива она в сцене разрушения, описанной в сорок третьей руне. Сюжет в трактовке художника обретает почти космический масштаб. Огромное мельничное колесо словно разламывается у нас на глазах, его фрагменты падают в море. Но сцена не выглядит трагической — именно здесь блеклая синева, которая встречается во многих иллюстрациях как символ неброской северной красоты, становится яркой, сияющей. Это — море, в сокровища которого превращаются куски разломанной мельницы. Космическая катастрофа и правда заканчивается хорошо — мудрый Вяйнёмейнен собирает осколки сампо со дна морского и сажает в землю, чтобы они взошли вновь!

Юрий Люкшин, воплощая поэтические образы древнего эпоса, словно меняет тональность, превращая шаманские и магические заклинания в молитвы, а в сказочных мотивах выявляет сходство с христианскими евангельскими историями. Внешняя изысканная простота образов, их стилизованная архаичность сочетается с внутренней сложностью. Читатель получает возможность, замирая от восторга, наблюдать за тем, как тёмные века уступают место эпохе просвещения, как из хаоса творится гармоничный и прекрасный мир, как грязь превращается в свет, магия уходит в прошлое, а будущее принадлежит вере.